

Девушка прищурила свои узкие глаза, оглядывая зал. В ее чайных зрачках отражались образы испуганных «перепелов», а алые губы слегка сжались, издавая легкий вздох.

— Старейшина Сюэ... ничего не скажете?

На красном деревянном кресле сбоку пожилой мужчина с седыми волосами медленно покачал головой, его мутные глаза сверкнули темным светом.

Его грубые руки мягко провели по змеиной голове подлокотника, и он произнес хриплым голосом:

— У меня нет способов справиться с этим призрачным культиватором.

Говоря о «том призрачном культивателе», старик не выглядел так, как остальные, его голос был легким, с оттенком пренебрежения, словно он не «не мог», а «не хотел» этим заниматься.

Сюй Юйэр слегка сжала алые губы, ее взгляд стал холодным.

Она мягко повернулась к другому углу зала и звонко спросила:

— А старейшина Чжоу? Вы ведь мастер массивов, разве вы будете стоять в стороне, когда Секта Звездной Реки в беде?

Мужчина средних лет, на которого указали, резко поднял голову, в его глазах мелькнул острый свет.

— Сяо Юйэр, ты слишком высоко меня ставишь. Защитный массив Луньхани настолько сложен, что я не могу помочь, у меня просто... нет сил.

Он вздохнул, слегка пошевелил мизинцем, и разбросанные по полу листы бумаги мгновенно собрались в аккуратную стопку и легонько пролетели через половину зала, остановившись перед Сюй Юйэр.

— Сяо Юйэр, раз уж ты так предана Секте Звездной Реки, может быть... ты сама посмотришь на схему массива?

В зале стало еще тише, только легкий ветерок и шелест бумаги нарушали тишину.

Сюй Юйэр опустила голову и долго смотрела на схему массива на полу.

В ее красивых светло-карих глазах мелькнула грусть, слезы на мгновение заблестели, но

девушка быстро подавила их.

Она наклонилась, подняла схему массива, и когда заговорила, ее голос был твердым и холодным.

— Посмотрю, так посмотрю, — твердо заявила она.

Ее голос, легкий, как дождь, разнесся по залу, тихий, но уверенный. Говоря это, Сюй Юйэр подняла руку, чтобы убрать прядь волос, упавшую на лицо.

Незаметно на ее запястье показалась ярко-красная нить, переплетенная с бусинами, которые слегка покачивались.

...

В это же время в белом каменном дворце на горе Луньхань Нин Хун быстро шел по центральному коридору.

Его черная одежда развевалась, зловещая аура окружала его, золотые узоры на краях одежды были едва заметны на солнце, но в этом темном месте они светились слабым светом, подчеркивая его движения.

— Что ты торопишь, — пробормотал он с раздражением, — всего лишь немного отклонился от сюжета, а ты как будто на пожар бежишь.

— Меньше слов, или я тебя шокну! — холодно ответил 081.

Золотистые искры стремительно кружились вокруг, почти таща Нин Хуна вперед.

— ...Пф, — мысленно фыркнул Нин Хун.

Ранее он хотел исследовать правый коридор, но 081 всячески мешал ему.

— Просто осмотрись здесь, — настаивал он, — посмотри вокруг и быстрее иди туда, куда нужно!

Куда нужно?

Нин Хун скрестил руки на груди, его глаза потемнели.

Куда ему идти?

У него не было дома, не было любимого человека, не было братьев и сестер. Теперь он даже не мог вернуться в родные края, где вырос. Ему оставалось только играть роль отвратительного злодея в бесчисленных мирах... Куда же ему идти?

В ад?

Пробегая по центральному коридору и замечая заброшенные светильники и кровавые пятна на стенах, Нин Хун нахмурился и отвернулся.

Ему не нравилась атмосфера в этом коридоре, совсем не нравилась.

Это было... как ад.

Бежать по такому коридору, окруженному стенаниями ветра, было почти как бежать в бездну.

Без надежды, без света, только бесконечная тьма...

Вскоре Нин Хун нашел каменную комнату, где находился Хан Сяоши.

Но как только он переступил порог, его глаза расширились, и он замер на месте.

Зеленое пламя мерцало, создавая призрачный свет.

В центре узкой комнаты была темная яма, края которой были покрыты странными пятнами. Рядом с ямой лежал длинный силуэт, его бледная рука цеплялась за край, а спина была повернута к Нин Хуну.

Он, казалось, подвергся нападению и сейчас был без сознания, не реагируя на появление Нин Хуна. Лента, которая держала его волосы, порвалась, и черные волосы рассыпались по плечам.

Рядом лежала нефритовая табличка, поверхность которой переливалась странным, зловещим светом.

Что это было?

Нин Хун почувствовал тревогу.

Он осторожно подошел, словно боясь потревожить что-то скрытое, его узкие глаза

настороженно прищурились, а в правой ладони быстро закрутился черный вихрь.

Но когда он подошел к Хан Сяоши, присел рядом с ямой и поднял его тело...

Ожидаемой опасности не произошло.

— Странно, — пробормотал Нин Хун.

Он поднял тело Хан Сяоши, мягко встряхнул его и тихо позвал:

— Сяоши? Сяоши? Хан Сяоши?

Человек в его руках все еще был без сознания, только губы слегка приоткрылись, издавая невнятные звуки.

Помедлив несколько секунд, Нин Хун приложил тыльную сторону своей прохладной руки ко лбу Хан Сяоши.

Он был горячим, как кипяток.

Краем глаза Нин Хун заметил упавшую нефритовую табличку и вспомнил злодейскую технику из сюжета. Его горло сжалось, сердце замерло.

Плохо.

Неужели он... практиковал технику злодея, и что-то пошло не так, вызвав одержимость?

Помедлив, он протянул руку и аккуратно поднял нефритовую табличку, поднеся ее к себе.

На ощупь она была шершавой.

Нин Хун еще не успел прочитать содержимое, но его внимание привлекли размашистые иероглифы на поверхности.

При свете синего пламени он нахмурился, внимательно рассматривая их, затем провел пальцем по поверхности и, увидев порошок на кончиках пальцев, с подозрением спросил:

— Эта табличка... только что была вырезана?

Едва он произнес это, Хан Сяоши в его руках дернулся, его длинные ресницы задрожали, брови нахмурились, словно он испытывал сильную боль.

Нин Хун быстро спрятал табличку за пазуху, поддерживая спину Хан Сяоши, и, вдохнув энергию, мягко спросил:

— Сяоши?

Хан Сяоши вовсе не страдал.

Он был просто до предела напряжен.

Нин Хун появился так быстро, что Хан Сяоши едва успел дописать концовку, его почерк был настолько неразборчивым, что он сам едва мог его понять.

В панике он не успел все как следует подготовить, поэтому просто перевернул нефритовую табличку и упал на пол, притворившись без сознания, но его сердце бешено колотилось.

Когда Нин Хун приложил свою холодную руку к его лбу, Хан Сяоши едва сдержал дрожь.

Прохладный поток энергии прошел от макушки до кончиков пальцев, как горный ручей в лесу, мягко омывая его кости и успокаивая его разум и душу.

Это было так приятно, как выпить целую бутылку ледяной колы в самый жаркий день.

Но через мгновение Нин Хун убрал руку и поднял упавшую «технику».

Притворившийся спящим Хан Сяоши приподнял брови, сердце его заколотилось, уши насторожились, и, услышав слова Нин Хуна о том, что табличка только что была вырезана, он понял, что все пропало.

Рефлекторно его пальцы дернулись, и он почти почувствовал запах гари от удара током.

Хан Сяоши тут же тихо застонал, заморгал и притворился, что только что проснулся.

Открыв глаза, он посмотрел на Нин Хуна своими ясными черными глазами, полными растерянности, и тихо спросил:

— Брат Нин?

— Я здесь, — мягко ответил Нин Хун, успокаивающе похлопав Хан Сяоши по спине. — Как ты? Что-то случилось?

Как же не случилось!

Ты внезапно появился, и я чуть не умер от страха.

Хан Сяоши опустил взгляд, заметив, что нефритовая табличка исчезла, и быстро сообразил.

Он оперся на Нин Хуна, схватил его за рукав и дрожащим голосом спросил:

— Брат Нин, ты не видел нефритовую табличку? Примерно такого размера, такой толщины...

Увидев, как Хан Сяоши показывает размер, Нин Хун напрягся.

Нефритовая табличка, спрятанная у него за пазухой, давила на грудь, и он постарался незаметно приподнять Хан Сяоши, чтобы тот не заметил ее, мягко ответив:

— Не видел. А что с ней не так?

Именно этого я и ждал!

<http://bllate.org/book/15111/1334781>